

СБОРНИК
ДЕТЕКТИВОВ

ВЫСТРЕЛЫ
В ТЕМНОТЕ

Кристиан Геерманн

**Из следственной
практики Скотланд-Ярда**

Геерманн К.

Из следственной практики Скотланд-Ярда / К. Геерманн —

Содержание

Бочка с кислотой	5
«Я пил кровь!»	5
Три месяца тюрьмы для редактора	10
Скелеты Ноттинг Хилла	12
Неожиданный приезд племянника	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Кристиан Геерманн

Из следственной практики Скотланд–Ярда

Страницы архива

Бочка с кислотой

«Я пил кровь!»

Отель «Тихий уголок» в южном Кенсингтоне выгодно отличается несуетностью и уютом. Суматохи, которая возникает в связи с приездом и отъездом гостей, здесь не бывает. Отель заселяют постоянные клиенты, живущие в своих номерах по нескольку месяцев или даже лет.

Среди людей, поселившихся здесь вскоре после открытия отеля в послевоенный год и проживших до 1949 года, был мистер Джон Джордж Хэй. В книге приезжих он записался как директор акционерного общества «Хэрстли продакт» в Кроули, небольшом городке южнее Лондона.

Он производил впечатление чудака. Своим соседям по столу он беспрестанно рассказывал об изобретениях, которые он только что закончил или над которыми работает. Его изобретения нельзя было назвать глобальными, мистер Хэй обращал свое внимание на такие вещи, как патентованные металлические пуговицы для спортивных курток, сумки на колесиках для принадлежностей игры в гольф или музыкальная шкатулка – таков был диапазон творческих амбиций директора.

14 февраля 1949 года мистер Хэй и миссис Олив Дюран-Дикен, вдова шестидесяти пяти лет, подружившаяся с ним, заговорили на излюбленную тему об изобретениях. В то время в Англии вошли в моду придуманные в США бледно-розовые искусственные ногти, которые молодые дамы могли приклеивать и тем скрывать природные изъяны. Миссис Дюран-Дикен была в восторге от этого косметического украшения и уговаривала мистера Хэя заняться на своем предприятии изготовлением искусственных ногтей. Она предлагала финансовую помощь.

– Я подумаю над этим, – ответил мистер Хэй. – Сейчас я работаю над усовершенствованием моего музыкального ящика, но ногти – здесь можно хорошо заработать. Давайте съездим в Кроули и на месте обсудим наши возможности.

Они условились встретиться 18 февраля в 14 часов у Морского арсенала и вместе поехать в Кроули.

В день, следующий за тем, когда они собирались ехать, мистер Хэй спросил за ленчем другую свою соседку – миссис Лейн, не знает ли она, что случилось с миссис Дюран-Дикен.

– Мы договорились с ней о встрече у Морского арсенала. Я ждал ее почти до четырех часов и уехал в Кроули один.

Миссис Лейн ответила, что она не видела вдову с полудня вчерашнего.

Поскольку миссис Дюран-Дикен не появилась я 20 февраля, мистер Хэй и миссис Лейн решили подать заявление о розыске пропавшей. Они вместе пошли в полицейский участок Челси, где Хэй рассказал о несостоявшейся 18 февраля встрече, а миссис Лейн подтвердила, что видела вдову уходящей из отеля в тот же день за два часа до назначенного времени.

Подобные заявления поступали полицейским часто, и большинство случаев разрешалось само собой через несколько дней. И по поводу миссис Дюран-Дикен они не стали особенно беспокоиться и начали выяснять обстоятельства ее исчезновения по инструкции. Ассистентка

Ламбур получила задание навести кое-какие справки. Она осмотрела гостиничный номер пропавшей, но не заметила ничего настораживающего. Опросила нескольких постояльцев и побеседовала в заключение с миссис Лейн и мистером Хэем, не узнав из бесед ничего нового.

В участке ассистентка доложила о безрезультатности своих действий.

– Все же мне это не нравится, – сказала она. – Пожилая женщина, ведущая размеренный образ жизни, не исчезает из отеля на несколько дней. Я говорила с сестрой пропавшей. Для нее исчезновение вдовы тоже загадка.

Скотланд-Ярд направил тогда в уголовную полицию Западного Сассекса просьбу ознакомиться в Кроули с предприятием Хэя на Леопольд-роуд и собрать информацию о нем самом. «Хэрстли продакт» произвело на полицейских самое унылое впечатление. Они обнаружили за въездными воротами, на которых красовалась помпезная вывеска, маленький грязный двор и сарай. Дверь сарая была незаперта. Внутри царило полное запустение, не обнаружилось никаких следов производственной деятельности. На территории не было ни души. Полицейский зафиксировал наличие трех ванн, наполненных, по всей видимости, кислотой. В углу он заметил шляпную коробку, довольно неожиданную в таком помещении.

Открыв коробку, сержант увидел револьвер и боеприпасы к нему. Кроме того, здесь лежала целая пачка удостоверений и продуктовых карточек на имя нескольких человек: доктора Арчибальда Гендерсона, миссис Розалии Мэри Гендерсон, Уильяма Дональда Максвена, Дональда Максвена и Анны Максвен. Еще обнаружилась квитанция лондонской химчистки на сданную 19 февраля каракулевою шубу.

Сержант забрал находки с собой, а затем власти Западного Сассекса отправили оружие и документы в Скотланд-Ярд. В баллистической лаборатории револьвер подвергли экспертизе. Выяснилось, что из него недавно стреляли.

Двое служащих, взглянув на квитанцию химчистки, вспомнили, что шубу сдал мужчина. Шуба тоже была отправлена в лабораторию Метрополитен полис. Ее мех сравнили с клочками меха, найденными в комнате миссис Дюран-Дикен, – они оказались одинаковыми. Миссис Лейн, подписавшая заявление об исчезновении вдовы вместе с Хэем, вспомнила, что видела вдову 18 февраля именно в этой шубе.

Некоторые газеты сообщили о случившемся и упомянули о том, что при повторном, более тщательном осмотре комнаты Дюран-Дикен обнаружилась пропажа кое-каких дорогих украшений. После публикации в Скотланд-Ярд пришел владелец ломбарда из лондонского района Хорзхэм. 19 февраля, сообщил он, один мужчина принес ему в заклад драгоценности – пять колец, цепочку, серьги, булавку для галстука с опалом, зажим для галстука с камнем-подделкой, изумрудную и бриллиантовую пряжки. Он получил за все это сто фунтов. Мужчина назвался мистером Пирсоном, но, возможно, имя он придумал. Владелец ломбарда помнит этого человека еще по 1948 году, когда тот обращался к нему под именем Хэя.

Украшения были предъявлены сестре Дюран-Дикен, и она сразу же заявила, что все они принадлежали ее родственнице.

Эти обстоятельства заставили думать о причастности Джона Джорджа Хэя к исчезновению вдовы. Скотланд-Ярд обратился к своей картотеке, чтобы узнать, не был ли директор акционерного общества из Кроули известен полиции прежде. Картотека содержала такие сведения:

«Хэй Джон Джордж родился 29 июня 1909 года в Стэмфорде в семье инженера. Женился 6 июля 1934 года на фотомодели, известной под именем Бетти. В ноябре 1934 года был судим и приговорен к 15 месяцам тюрьмы. Обвинялся в подделке договора о купле-продаже с конторой по прокату автомобилей и в присвоении машины марки «альфа-ромео». В 1936 году стал владельцем красильни, через пять месяцев красильня была ликвидирована. В 1937 году открыл бюро по финансированию предприятий, выманил и присвоил большие суммы денег посредством рассылки фальшивых обязательств. В сентябре того же года состоялся суд и приговор – пять лет каторжной тюрьмы. Обвинялся в мошенничестве в крупных масштабах. В

1940-м освобожден досрочно. По рекомендации сокамерника начал работать в Кроули. Имеет обыкновение выдавать себя за инженера и изобретателя. Инженерного патента не имеет.

Дополнение. На допросе в 1937 году получены два примечательных признания Хэя. 1. Склонность к жестокости. Еще школьником придумал хитроумное приспособление, чтобы выдергивать стул из-под учителя, когда тот собирался сесть. Загонял до смерти в тесном огороженном дворике свинью, за что был избит. 2. Любовь к большим автомобилям. Бросил в семнадцать лет школу, начал работать в гараже. Не проявил способности к вождению машин. Из мести насыпал сахара в бак с горючим своего шефа, был уволен. В октябре 1944 года прошел проверку через особый отдел: в политических делах не замешан».

26 февраля 1949 года Джона Джорджа Хэя вызвали для допроса в полицейский участок в Челси. Спрошенный еще раз о событиях 18 февраля, он повторил ту же историю, которую рассказал ассистентке Ламбур. Тогда полицейские выложили перед ним находки из его склада в Кроули.

– Кому принадлежит шуба, которую вы сдали 19 февраля в химчистку?

– Миссис Гендерсон. Я избавил ее от лишнего хождения в ателье, – ответил Хэй.

– А драгоценности, сданные в заклад в Хорзхэме, тоже от миссис Гендерсон?

– Нет, эти вещи дала мне миссис Дюран-Дикен. На полученные за них деньги мы хотели открыть производство искусственных ногтей.

На все вопросы Хэй отвечал без смущения. Ответы были вполне приемлемы. Без всякого перехода он вдруг спросил:

– Скажите, инспектор, есть у человека, попавшего в психиатрическую лечебницу Брэдмор, возможность выйти оттуда?

Допрашивающий не стал вдаваться в дискуссию по этой проблеме.

– Знаете, – сказал после паузы Хэй, – я думаю, полиции не под силу распутать это дело. Но вы продвинулись чертовски далеко. Мне нет смысла запираться, и я скажу правду. Суть в том, что вдовы Дюран-Дикен больше нет на свете. Она бесследно исчезла. Где нет трупа, нет и убийцы. Поэтому я выложу все начистоту. Я убил старую даму. Убил выстрелом в затылок, когда она разглядывала бумагу для искусственных ногтей. Она повалилась на пол. Стакан был уже приготовлен. Я рассек ей горло, и кубок наполнился. Я выпил его.

Следователь остановил его. Он, Хэй, должен думать, что говорит. Нужна правда, а не фантазии.

– Если вы хотите слышать правду, – рассердился Хэй, – не перебивайте меня. Эту миссис Дюран-Дикен вы никогда не найдете. Я запихнул ее труп в бочку и накачал туда сорок пять галлонов серной кислоты. Потом поехал в закусочную, выпил чаю. Спустя три дня тело разложилось не до конца, и я заменил кислоту. Еще через день от трупа ничего не осталось. Раствор я вылил во дворе. Ну а теперь попробуйте найти против меня улики.

Исходя из этого признания полиция Западного Сассекса направила в Скотланд-Ярд прошение о продолжении расследования в Кроули. Старший инспектор с несколькими научными сотрудниками из Лондона тщательно исследовали участок земли на Леопольд-роуд. В сарае они нашли резиновые передник и перчатки. Во дворе взяли несколько проб земли для анализа в лаборатории.

Уже при первом, предварительном рассмотрении были обнаружены ремешок от красной дамской сумки, несколько искусственных зубов, три камня из желчного пузыря и несколько не до конца разложившихся костей. Зубной врач, у которого лечилась Дюран-Дикен, показал, что найденные в земле зубы он когда-то вставил своей пациентке. В отеле сказали, что вдова часто ходила с красной сумкой.

После проверки деталей признания Хэя не осталось сомнений, что он, теперь уже арестованный, говорит правду. Скотланд-Ярд впервые вписал в свои анналы новый вид преступления – убийство с использованием кислоты для уничтожения трупа.

Картина жутких событий 18 февраля в Кроули окончательно прояснилась. Несколько жителей маленького городка засвидетельствовали, что в тот день видели Хэя с пожилой женщиной, приехавших на автомобиле. Один человек, по имени Джонс, имевший с Хэем кое-какие деловые отношения, показал, что кислота была доставлена за несколько дней до трагических событий и Хэй просил его привезти помпу. Хозяин показывал Джонсу ванны с кислотой, бочку и рассказывал об эксперименте; для которого нужна помпа. А 22 февраля Хэй уплатил за помпу 33 фунта.

Было ясно, что деньги Хэй получил от владельца ломбарда в Хорзхэме. Из этой же суммы он уплатил свой долг хозяину отеля «Тихий уголок», выросший до 49 фунтов. Кроме того, Хэй задолжал 83 фунта банку. Чтобы рассчитаться с кредиторами, он и задумал зверское убийство. В его голове засела мысль, что при отсутствии трупа не может быть предъявлено обвинение в убийстве. Чувствуя себя в безопасности, он не постарался уничтожить следы в Кроули. В его поведении вообще проявлялась психическая аномалия: при допросах он уверял, что с удовольствием пьет кровь, а надзиратели в тюрьме видели, как он тайком пьет свою мочу.

Когда Хэй понял, что уничтожение трупа не избавит его от суда, он решил спасти себя, симулируя помешательство. Потому он и задал вопрос о психиатрической лечебнице в Брэдморе во время первого допроса. При следующих встречах со следователем Хэй утверждал, что убил кроме вдовы еще восемь человек, уничтожив их трупы тем же способом. В пяти случаях Скотланд-Ярд нашел доказательства его самообвинения. В остальных же трех случаях выяснилось, что он их придумал, чтобы продемонстрировать собственную невменяемость.

Первой жертвой преступления с использованием кислоты стал Уильям Дональд Максвен. В 1944 году Хэй заманил молодого человека под каким-то предлогом в свою квартиру на Глочестер-роуд, ударил его по голове тяжелым предметом, выпил стакан крови и затем уничтожил тело в кислоте. Хэй был знаком с родителями жертвы и сообщил им, что юноша скрывается от призыва на военную службу. Они поверили, тем более что он показал им несколько поддельных писем.

Через какое-то время он убил и супругов Максвен, остальное исполнил так же и в такой же последовательности, как и в первом случае. По поддельной доверенности продал земельный участок Максвенов за пять тысяч фунтов. Теперь он смог осуществить заветную мечту и купить новейшую модель «форда». На оставшуюся сумму Хэй весело жил в последние месяцы войны и в послевоенное время. Он модно одевался и всегда носил белые перчатки. Имея три удостоверения убитых, получил дополнительные продуктовые карточки. У Максвенов не было родственников, поэтому об их исчезновении в полицию никто не заявил.

В 1947 году некий мистер Гендерсон дал в газете объявление, что хочет продать земельный участок. Хэй пришел по указанному адресу и познакомился с симпатичным владельцем процветающей мастерской по ремонту кукол и его женой. Безнаказанно удалось убить и эту пару. Когда через неделю в Лондоне появился брат миссис Розалии Мэри Гендерсон, Хэй убедил его с помощью сфабрикованных писем больше не приезжать.

Спустя три дня после двойного убийства он предстал перед арендаторами земельного участка Гендерсолов как новый владелец, показал подложный документ и собрал с них плату за аренду. Через год продал участок за несколько тысяч фунтов. Объявления о розыске пропавших опять не было.

Таковы были факты, установленные Скотланд-Ярдом после самообвинения Хэя. Помимо названных убийств, Хэй еще рассказал о том, как в феврале 1945 года он заговорил на улице с женщиной лет тридцати пяти и предложил проводить ее в Южный Кенсингтон. Женщина согласилась, потом пошла к нему домой. Там он ее убил. Однако в сумке не оказалось ничего ценного. Имя погибшей ему неизвестно, но ее кровь он тоже пил. На этой детали Хэй особенно настаивал.

Похожий случай был и с мужчиной в возрасте тридцать с небольшим, имени которого он опять-таки не знает. Оба они, Хэй и его жертва, интересовались игральными автоматами. И наконец Хэй якобы убил осенью 1948 года в Истборне девушку по имени Мэри и осуществил свой зловещий ритуал. Вся добыча тогда состояла в одном флакончике духов.

Три месяца тюрьмы для редактора

История с исчезновением Олив Дюран-Дикен из «Тихого уголка» разъяснилась. Убийца сознался, и его показания были проверены до мельчайших деталей. Сэр Гарольд Скотт, начальник Метрополитен полис с 1945 по 1953 год, назвал дело Хэя «убийством, где все абсолютно ясно». Тем не менее и Скотт должен был признать, что «в процессе следствия был один момент, когда обвинения повисли на ниточке».

По неофициальным каналам многое из того, что рассказывал виновник смертей, вышло за пределы Скотланд-Ярда и попало в редакции газет. Преступника с бочкой серной кислоты, к тому же пьющего кровь своих жертв, до сих пор не было. В бульварных изданиях эти сведения обросли еще более фантастическими подробностями. Газеты соревновались в нагромождении ужасов. Журналисты раздобывали заявления о пропавших за последние годы людях и составляли длинные списки. Сначала возникали вопросы о возможной вине Хэя во всех этих случаях, вопросы превращались в предположения, а потом уже и в утверждения. Число жертв, закончивших свой жизненный путь в кислоте, росло со дня на день.

В британском уголовном кодексе есть статья о неуважении к суду. Тот, кто публично до решения присяжных назовет находящегося под следствием человека виновным в преступлении, сам может стать обвиняемым. Он предвосхищает решение присяжных и тем самым, как считает закон, проявляет неуважение к суду. Присяжные в этом случае оказываются под воздействием чужого мнения и уже не в состоянии следовать голосу своей совести. Защитник может поставить вопрос о необъективности присяжных и свести на нет все обвинение.

В деле Хэя лондонская бульварная пресса хорошо постаралась, для того чтобы помешать осуждению убийцы. Скотланд-Ярд разослал поэтому обращение ко всем журналистам, напominив им о «неуважении к суду». Но предостережение не было услышано. Официальные материалы из полиции печатались где-нибудь на последних полосах, а сенсационные заголовки красовались на первой странице. Кричащий заголовок «Вампир пьет кровь мертвецов!» увеличил 4 марта 1949 года тираж одной газеты в полтора раза. Некоторые издания пытались подсчитать, сколько человеческой крови выпил Хэй.

«Юридический отдел Скотланд-Ярда серьезно озабочен тем, что обвинение Хэя в убийстве миссис Дюран-Дикен из-за газетных публикаций теряет убедительность и в конце концов может сойти на нет» – такое письмо было направлено начальнику лондонской полиции. А мистер Фирнли, руководитель пресс-службы Скотланд-Ярда, распространил среди газетных редакций неофициальное письмо следующего содержания: «Начальник полиции просит главных редакторов обратить внимание на то, что публикации показаний Хэя и каких-либо комментариев к ним неуместны и некорректны по отношению к суду, перед которым предстанет обвиняемый. Дальнейшие публикации такого рода приведут к возбуждению судебных дел против их авторов. Измышления по поводу местонахождения различных лиц, пропавших без вести, которые постоянно появляются в печати, нарушают общественное спокойствие. Все, что касается розыска этих лиц, будет в дальнейшем сообщаться Скотланд-Ярдом по обычным каналам».

Это было серьезное предупреждение, и большинство газет прекратили печатать недостоверную информацию. Но одно издание не вняло голосу разума и продолжало угощать читателей кровавыми историями. Его главный редактор действительно получил повестку в суд и был приговорен к трем месяцам тюрьмы.

Процесс над Джоном Джорджем Хэем начался 18 июля 1949 года и продолжался два дня. Обвиняемый нашел себе известного адвоката – сэра Дэвида Максвелла Файфа, который через два года, после победы консерваторов на выборах, стал британским министром иностранных дел. Основной упор в защитительной речи делался на невинность Хэя. «Джон

Джордж Хэй обуреваем галлюцинациями, – сказал сэр Файф. – Ему мерещится лес крестов, с которых капает кровь. Тогда его начинает мучить непреодолимая жажда крови. Он как будто находится под высоким напряжением, и ему кажется, что только кровь или собственные выделения могут вернуть ему жизненную силу. Обвиняемый в момент совершения убийства был душевнобольным и не несет ответственности за маниакальную жажду крови»

Хэй энергично кивал головой, слушая речь защитника. Все остальное время процесса он посвятил занятию, которое должно было подтвердить его невменяемость, – разгадыванию кроссвордов.

Убийца был ответствен за свои действия, и об этом говорит тщательная многодневная подготовка, которую нельзя объяснить внезапно наступившей неодолимой жаждой крови. Он умел выбирать жертвы, у которых не было родственников, но зато было имущество. В шести доказанных эпизодах Хэй ловко присвоил себе это имущество. Названные им три других убийства, которые не принесли материальной выгоды, были выдуманы, чтобы заставить поверить в патологическое пристрастие к человеческой крови.

Критерием вменяемости в британском суде служит факт осознания преступником наказуемости своих действий. Для Хэя вопрос решался утвердительно. Убийцу приговорили к смертной казни и привели приговор в исполнение в августе 1949 года.

Скелеты Ноттинг Хилла

Неожиданный приезд племянника

Риллингтон плейс – темный закоулок в лондонском районе Ноттинг Хилл. Он ответвляется от улицы Святого Марка и упирается своим концом в гаражный двор. Десяток домов по обе стороны хотя и насчитывает не меньше трех этажей, производит жалкое впечатление. На фасадах не найти следов свежей краски. Отваливающаяся штукатурка довершает общий вид запустения.

Дом под номером 10 по Риллингтон плейс расположен в дальнем конце по левую сторону. Дом настолько узок, что на каждом этаже помещаются лишь по две большие комнаты. Ванных комнат нет. Единственной уборной во дворе пользуются все жильцы. Кроме того, на первом этаже есть кухня-прачечная.

Сегодня мы напрасно будем искать на карте Лондона Риллингтон плейс – такого названия больше нет. После страшных событий, разыгравшихся здесь несколько лет назад и попавших во все газеты, название сменили. Тупичок называется сейчас Растон клоуз.

Произошло еще одно изменение. В те времена, когда Риллингтон плейс стал для Лондона кошмарным сном, здесь жили только англичане. На каждого обитателя приходилась в среднем одна комната. С тех пор как тупик называется Растон клоуз, белые избегают эти дома. Сегодня здесь проживают преимущественно выходцы из Вест-Индии, безуспешно гонящиеся в Лондоне за своим счастьем. По двое-трое беднейшие из бедных вынуждены селиться в одной комнате.

Риллингтон плейс с неохотой вспоминают летописцу Скотланд-Ярда. Ни один проспект бюро путешествий не приглашает посетить этот район, хотя расположен он всего в одной миле от Гайд-парка. Причина вовсе не в перенаселенных убогих домах с осыпающейся штукатуркой. Дело о Риллингтон плейс, 10, представляет собой один из громких скандалов столетия, а для встречи со свидетелем позора Скотланд-Ярда и английского правосудия туристов не приглашают.

Незадолго до Пасхи в 1948 году в дом номер 10 по Риллингтон плейс въехали новые жильцы. Верхний этаж заняли Тимоти Ивенс с женой Верил. Тимоти было 24 года. Хотя ростом он был всего 165 сантиметров, фигура у него отличалась соразмерностью и изяществом. В детстве он поранил ногу при купании, ее неправильно лечили, и полного заживления не произошло. Тимоти часто приходилось лежать в постели, иногда ложиться в больницу. В школу он ходил нерегулярно. С раннего детства отставал в развитии, например, он начал говорить только в пять лет, поэтому самые простые школьные требования превышали его возможности. Он умел написать свое имя, но, кроме него, не прочитал бы и не написал ни одного слова. В 24 года он обладал умственным развитием одиннадцатилетнего мальчика.

Тем не менее фантазия у него была очень богатая. Знакомым он рассказывал, что его отец – в действительности шахтер, оставивший семью еще до рождения сына, – итальянский граф, и он собирается приобрести в Англии обширные земельные угодья, чтобы завещать их Тимоти. Его старший брат якобы живет в графском замке в Италии и известен как автогонщик. На следующий год он должен приехать в Англию и принять участие в автомобильных соревнованиях.

Тимоти Ивенс фантазировал не для того, чтобы получить какую-то выгоду или поставить себя в особое положение. Возможно, ему, обиженному природой, хотелось привлечь к себе внимание или его выдумки доставляли ему удовольствие.

Одним летним днем 1947 года Тимоти отправился прогуляться с приятелем и познакомился с Берил Торли, привлекательной, даже довольно эффектной девушкой 18 лет. Она работала телефонисткой, была очень жизнерадостна и неглупа. Через несколько дней они обручились, а 20 сентября сыграли свадьбу. Что нашла красивая девушка в хилом и умственно ограниченном Ивенсе, остается загадкой по сей день.

Тимоти и Берил жили сначала у его матери на улице Святого Марка. Когда Берил в начале 1938 года забеременела, они стали подыскивать квартиру и нашли ее на Риллингтон-плейс, 10. Две довольно запущенные комнаты благодаря стараниям новых жильцов приобрели достойный вид. Тимоти, работавший шофером, брал сверхурочные часы и приносил домой еженедельно 78 фунтов. Его мать нашла им неподалеку другую квартиру с собственным туалетом и маленьким садиком. Но Берил не захотела переезжать. Ей нравились небольшие уютные комнатки. «Кроме того, мы дружно живем с соседями, они очень симпатичные люди», – говорила она свекрови.

Супруги Реджинальд и Этель Кристи занимали первый этаж дома номер 10 по Риллингтон-плейс. Они были значительно старше Ивенсов и могли бы быть их родителями. Миссис Кристи помогла Ивенсам в обустройстве квартиры и заслужила их благодарность и доверие.

В октябре 1948 года Берил родила дочь и назвала ее Джеральдиной. С этого времени в маленькой семье начались раздоры. Берил оказалась ленивой хозяйкой и не очень заботливой матерью. Тимоти редко получал горячую пищу, а ребенок кричал часами, лежа в мокрых пеленках. С увеличением семьи возросли расходы, и заработка Тимоти не хватало. Накаленная атмосфера в квартире разряжалась не только громкими словесными перепалками, соседи становились свидетелями драк, в которых зачинщицей почти всегда была невыдержанная Берил.

В августе 1949 года Берил пригласила пожить у них свою семнадцатилетнюю подругу Люси Эндкот. Женщины спали на единственной кровати, а Тимоти стелил себе постель на кухонном полу. Мать Тимоти попробовала объяснить подруге, что ее присутствие может еще больше осложнить отношения между Берил и Тимоти. Тогда начался громкий спор, который потом перешел в потасовку. Берил накинулась на Люси, та швырнула в миссис Ивенс кувшин. Тимоти закричал, что выкинет всю шайку в окно. Люси подставила ему подножку, и он упал. Зазвенели разбитые стекла, и соседи могли воочию любоваться скандалом. В завершение всего Тимоти и Люси удалились и провели ночь вместе. Затем муж вернулся к жене, семейное согласие на какое-то время восстановилось, пока Берил не обнаружила, что опять беременна.

Перед этим она нанялась на работу на неполный день, чтобы как-то свести концы с концами. При рождении второго ребенка ей пришлось бы отказаться от этого, и Берил приняла меры, чтобы произошел выкидыш. Но безрезультатно. Мужу она объявила, что родить ни в коем случае не собирается. Тимоти сначала пытался переубедить ее, но потом стал просить мать найти кого-нибудь, кто сделает аборт. Мать никого не знала. Берил рассказала о своем намерении обеим сестрам Тимоти, своему брату, нескольким знакомым и соседям Кристи.

Жильцы дома обитали в такой близости друг от друга, что поневоле знали все, что происходит у соседей. Семьи Ивенсов и Кристи поддерживали отношения, которые можно было назвать дружескими. По-другому сложились отношения с мистером Китченером, который занимал второй этаж. Ему перевалило уже за семьдесят, и он плохо видел. Он не находил общего языка ни с Ивенсами, ни с Кристи и вообще считал тех и других ворами. То и дело он жаловался на пропажу вещей, что, впрочем, могло объясняться его слабым зрением. Вполне могло быть, что он забывал, где положил ту или иную вещь, а потом не мог найти. 3 ноября 1949 года мистер Китченер лег в клинику офтальмологии на операцию, так как с глазами у него стало совсем плохо. В клинике пробыл пять недель. По этой причине впоследствии, когда на Риллингтон-плейс разыгралась драма, его не могли допрашивать как свидетеля.

Началось с того, что Тимоти 10 ноября рассказал нескольким соседям с его улицы, что он ушел с работы. На самом же деле его уволили. В последнее время он работал крайне нерадиво,

отлынивая больше, чем всегда, надоедал клиентам своей фирмы различными фантазиями и постоянно кланчил жалование вперед. И именно 10 ноября его выставили на улицу – случайность, которая сильно затруднила расследование двух убийств.

Вечером того же дня Тимоти навестил мать и сказал ей, что Берил и Джеральдина уехали в Брайтон к отцу Берил. Они окончательно рассорились с женой, и, вероятно, Берил с ребенком уехали навсегда. И он тоже хочет покинуть Лондон.

На другой день Тимоти побывал у торговца мебелью Хуквэя на Портобелло-роуд, приятеля мистера Кристи; ему он сказал, что только что вернулся из Египта и собирается в новое, заокеанское, путешествие. Он-де не знает, вернется ли в Лондон, и потому хочет продать мебель. Хуквэй на завтра пришел в квартиру третьего этажа в доме номер 10 на Риллингтон-плейс и выплатил Ивенсу за мебель 40 фунтов.

14 ноября в начале ночи Тимоти сел на Паддингтонском вокзале в поезд, идущий в Кардифф. Оттуда на местном поезде он доехал к семи утра до Мерт-Вейли. Скоро он был у дома номер 93 по Маунт-плейнт, где жили его дядя и тетя, супруги Линч. Они были в немалом удивлении, когда увидели перед собой племянника.

Ивенс объяснил, что сопровождает в поезде своего шефа – они надеются найти в графстве Глеморган новых клиентов. В Кардиффе их машина сломалась, и шеф дал Ивенсу несколько дней отпуска. Родственники были рады, а Тимоти вел себя как человек, получивший неожиданно несколько дней отдыха. Он вспоминал дочку Джеральдину, которая якобы вместе с мамой находится в Брайтоне. Поэтому ему и не было смысла возвращаться в Лондон.

Через пару дней Ивенс заговорил о том, чтобы съездить в Лондон за жалованием. 23 ноября он уехал, но в тот же вечер вернулся. Родственникам наплел, что Берил ожидает ребенка от другого мужчины и бросила мужа. Маленькую Джеральдину взяли знакомые в Нью-порте.

Линчам поведение племянника показалось странным, и они 27 ноября написали письмо матери Тимоти. Лавина событий струнулась с места. Мать не видела Тимоти уже две с половиной недели, а невестку и внучку больше месяца. Живущий в Брайтоне отец Берил ответил на телеграфный запрос, что дочь к нему не приезжала и он много недель ничего о ней не слышал.

Мать и две старшие сестры Тимоти попытались узнать что-либо на Риллингтон-плейс. Мистер Кристи рассказал, что Берил с Джеральдиной отправились в Брайтон – так, во всяком случае, говорил Тимоти – и что Тимоти продал всю обстановку и тоже уехал. Миссис Ивенс тут же заявила, что идет в полицию, но Кристи отсоветовал это делать. Он якобы уже был в полицейском участке и знает, что Тимоти на подозрении. Если она подаст заявление, то у сына будут неприятности.

Вечером того же дня миссис Ивенс написала в Мерт-Вейли письмо: «Дорогая свояченица, я не знаю, что Тим наговорил тебе. Я не видела его уже три недели, а Берил – целый месяц. Берил и Джеральдины в Брайтоне нет. Спроси Тима, что он сделал с обстановкой квартиры. Все очень странно. Он уволился с хорошей работы, у него долги. Люди меня спрашивают, когда он вернет деньги».

Тимоти сидел с дядей и тетей за завтраком, когда посыльный, это было 30 ноября, принес письмо. Миссис Линч прочитала письмо вслух и без обиняков заявила племяннику, что он все налгал.

– Только один раз, – защищался Ивенс, – когда вернулся из Лондона. Берил не бросила меня, она в Брайтоне, и мебель на месте. Не я налгал, а моя мать.

Потом, когда Ивенс остался один и поразмышлял, до него дошло, что он вконец запутался во лжи и выхода нет. Днем 30 ноября он пришел в полицейский участок Мерт-Вейли.

– Арестуйте меня, – сказал он. – Я избавился от своей жены. Я засунул ее в канализационный люк.

В присутствии вызванного детектива уголовно-сысского отдела по фамилии Гоу Ивенс сделал признание. В начале октября жена якобы сказала ему, что ожидает ребенка, но родить не хочет. Он же уговаривал ее сохранить беременность. После некоторых напрасных попыток вызвать выкидыш Берил чувствовала себя очень плохо и сказала, что лишит жизни себя и Джеральдину. Однажды, во время дальней поездки, Ивенс разговорился в одном кафе между Ипсуичем и Колчестером с незнакомым человеком, который дал ему пузырек с лекарственным средством, прерывающим беременность, и объяснил, что принимать его нужно утром натощак и ожидать действия через несколько часов. Он не собирался отдавать пузырек жене, но она сама нашла его. Все же он настойчиво отговаривал жену принимать эти капли. Когда он вечером пришел с работы, в квартире было темно. Жена лежала в кровати и не дышала.

«Между часом и двумя ночи, – во всех подробностях описывал Ивенс, – я вынес жену по лестнице на улицу. Приподнял крышку люка перед входной дверью дома номер 10 по Риллингтон-плейс и бросил ее головой вниз в колодец. Потом закрыл люк и вернулся в дом. Сел возле плиты и выкурил сигарету».

На следующий день он забрал свои документы с работы, нашел людей, которые позаботились бы о Джеральдине, продал мебель и уехал в Мерт-Вейли. «С тех пор я здесь. Это все».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.